

УДК 882

**ЛИТЕРАТУРНОЕ ПИСЬМО А. П. ЧЕХОВА:
СХЕМА ИНСТИНКТА, РЕФЛЕКСИВНЫЙ АУТИЗМ
И АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО**

© *Панов Сергей Владимирович*

кандидат философских наук, доцент кафедры истории мировой культуры Института истории культур, г. Москва
Россия, 119072, г. Москва, Берсеневская набережная, 20
E-mail: saint-denis@mail.ru

© *Ивашкин Сергей Николаевич*

кандидат культурологии, заведующий инновационно-методическим отделом Центральной библиотечной системы № 3 ЦАО, г. Москва
Россия, 121099, г. Москва, Смоленская пл., д. 13/21
E-mail: bibliotekaimdobrolubova36

В статье рассматривается вопрос об особенностях литературного письма А. П. Чехова в контексте русской классической прозы. Выявляется, как классическая романная форма редукции эгоперспектив к логике жизненного становления трансформируется в феноменологическую форму у Чехова.

Ключевые слова: сценография, эгоперспектива героя, хронотоп, повествователь, автор.

LITERATURE WRITING OF A. P. CHEKHOV:
SCHEME OF INSTINCT, REFLECTIVE AUTISM
AND AUTHOR'S WITNESS

Sergey V. Panov

PhD in Philosophy, A/Professor, Doctoral student
of Russian Institute of Culturology, Moscow
20, Bersenevskaya Quay, Moscow, 119072 Russia

Sergey N. Ivashkin

PhD in Culturology, the Chief of innovation and methodological department of the Central library system No 3 TSAO, Moscow.
13/21, Smolenskaya Square, Moscow, 121099 Russia

The article reviews the question of peculiarities of literature writing by A. P. Chekhov in the context of Russian classical prose. It is pointed out how the classical novel form of the reduction of ego perspectives towards logics life formation is being transformed into phenomenological form of a short story in Chekhov's works.

Keywords: scenography, ego perspective of hero, chronotope, narrator, author.

История русской литературы представляет сценографию смены аффектов в сюжетной судьбе героя романтической поэмы, которая транс-

формируется в театральную сцену романного бытия и которая свернется в жесткую форму петербургской повести, метасюжетная ситуация которой – превращение героя в гения мщения и памятник. Петербургская повесть развернется в форму классического романа, формула которого – редукция эгоперспектив героев к жизненному миру – бессознательному становлению мировой воли. Петербургская повесть пропишет время исполнения проекта в полагании бытия как бесконечного производства проектов в «петербургской» форме житнетворения: «Медный всадник» явится продуктом рефлексии романного бытия в изменении самих условий театральной сценографии, которая пропишет хронотоп одновременно и существования стихии, и ее организации волей гения в порядок империи. Проектирование первого гения русской культуры как абсолютное действие обернется мечтанием Евгения, который в мимесисе абсолютной воли познает принцип организации стихии в волевом порыве самообладания и его замыкания в форму памятника.

Евгений воскреснет Башмачкиным в «Шинели» Гоголя, который будет копиистом буквы закона и получит дар тайного пароля: «Зачем вы меня обижаете?», а затем отзовется в молодом чиновнике фразой «Я брат ваш». Непосредственная идентификация слышимого и произносимого обернется отождествлением морального аффекта и его содержания («жалостливость») вне всякого отношения к единству ответственности, к условиям истинности аффекта сочувствия: содержание морального аффекта непосредственно дается чиновнику волей авторского сочувствия в повествовании. Идиома петербургской повести в «Шинели» раскроет время рассеивания абсолютного романического слуха на бесконечное множество «слухов»-свидетельств, их бесконечное взаимное подтверждение и разоблачение обозначат горизонт повествователя, а бесконечное производство – горизонт автора. Хронотоп становления героя гением и призраком мщения определим временем свидетельства об этом становлении: гений возмездия как республиканская иллюзия снимет имперский фетиш «шинель» с носителей чина, обнажив их способность сочувствия. В сценографии пришествия призрака и осуществления мести, в основе которой абсолютный акцидент события («привидение вдруг оглянулось») и парадоксальное определение желания (вопрос будочнику: «чего тебе хочется?» и ответ: «ничего»). В горизонте авторской политики желание станет желанием зияющей пустоты и «ночной тьмы» как условия порождения невысказанного горизонта всех возможных свидетельств абсолютной фикции бытия – литературы и ее закона. Именно поэтому привидение покажет будочнику невиданный по размеру кулак: автоматизм слуха породит моральный аффект, аффект станет основой жестикюляции, который превратится в автоматизм письменного жеста.

Письмо русского классического романа раздвоит абсолютный момент трансцендентальной иллюзии, который дает герою возможность выйти из эгоперспективы самочувствия к операциональному полю интеллектуальной интуиции. Позиция повествователя в своем сосуществовании с героем приоткрывает авторский акцент всей романной сце-

нографии от редукции эгоперспектив героя к бессознательному становлению жизненной воли в оформлении свидетельства о внутренней ценностной перспективе героя, который уже не превратится в романтический символ абсолютной реакции как выражение сверхчувственного в чувственном: эгоперспектива героя будет сведена авторской политикой повествования к нередуцируемому жизненному миру становления воли в бесконечном множестве акцидентов и, в конечном счете, к производству новой аффективной иллюзии совершенного соответствия видимой природы, внутреннего самочувствия и сочувствия другим.

Литературное письмо А. П. Чехова в логике развития русской классической прозы определило ее внутренний ценностный предел: равнодушная природа романтизма, диктующая законы существования героя как субъекта аффекта, повествователя как беспристрастного наблюдателя за пульсацией аффекта и действия и внемлющего голосу романтической музыки автора, преобразуется в социальную природу художественной типологии «Мертвых душ», в которых литературная типография типов, их типовых реакций и обстоятельств действия станет продуктом оценивания постромантического гения в бесконечном возвышении его абсолютной точки зрения. Социальная природа художественной типологии, оформившая начатые перспективы постромантического романа в стихах, характеризовавшегося ироническим эффектом – соотносением конечных восприятий героя с бесконечностью созерцания автора, обусловила появление авторского горизонта мировой воли в ее бессознательном становлении в русском классическом романе (Достоевский, Гончаров, Толстой), чтобы стать инстинктивной природой как мотивационной основой сюжетного бытия героя в русском «физиологическом» романе (Салтыков-Щедрин, Лесков). Чехов доводит физиологию инстинкта отрицания жизни и утверждения волевого порыва до логического предела в новой концептуальной метасюжетной ситуации становления героя телом аффекта, размыкая инстинктивную мотивационную схему «физиологического» героя «стимул-реакция» действием хронической рефлексии, которая нейтрализует ориентиры восприятия, мысли, формирования мотива, действия и суждения о результате действия. «По ту сторону добра и зла» чеховский герой в его хронической рефлексии подвешивает все ценностные перспективы бытия собой и события с другими, отказываясь в рефлексивном аутизме познавать объективные условия существования того, что он воспринимает, мыслит, желает, делает и оценивает как результат действия.

Классическая романная форма редукции эгоперспектив к логике жизненного становления расподобится в феноменологическую форму повести и рассказа у Чехова, для которого ход мировой воли и авторский горизонт ее оформления в судьбе героя – организатора жизни соотрется до смыслового эффекта повторимого – до «повседневности» – в пульсации аффекта «боязни жизни», оформившей каждый момент бытия и самосознания героя: постромантическая риторика самоотношения повествователя обесценивается до формы хронической рефлексивности. В сценографии самонаблюдения героя («Страх») в его желании «ничего

серьезного» – бытового адюльтера вне романтической логики «опасных связей», время исполнения желания и его рефлексии и время вторжения контрапунктной серии впечатлений снимают пафос мотива и повествовательной объективации внутреннего монолога героя (эпизод «Сорок мучеников»). Логика рефлексии в самосознании героя выстраивается в самосвидетельство и самооценку, которые нейтрализуют внутреннюю мотивацию действия, превращая его в чистый акт бессознательного влечения и порыва. Концептуальная метасюжетная ситуация становления героя сверхчеловеком через преодоление абстрактного стоицизма («Палата № 6») раскроется в мотивных линиях уравнивания всех ценностных перспектив и открытия сферы галлюциногенного созерцания, физиологии превращения человека в тело аффекта (холод) и повествовательского свидетельства о его похоронах, которое и приоткроет горизонт авторской редукции истины события автора и героя к ее литературному эффекту. Авторская редукция в чеховском литературном письме обусловит все движение русской романной прозы XX в. в метасюжетной ситуации становления героя как носителя бесконечной интеллектуальной авторской рефлексии принципиально незавершенного шедевра в новой временной интенциональности диалога героя и автора (Горький, Платонов, Набоков, Булгаков), который будет обнажать в каждом романном жесте собственную фиктивность.